

Ольга
Зубковская

ПОНЯТИЕ «ЧАСТНОГО» И
СЕКСУАЛЬНЫЕ ДОМОГАТЕЛЬСТВА:
ПОЧЕМУ «НЕТ» СЕКСУАЛЬНЫХ
ДОМОГАТЕЛЬСТВ В СТРАНАХ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ?†

Дорогие женщины! Объясните, зачем вам на работе-то сексуально выглядеть? Конечно, у каждого свои цели, но если уж работать пришли, не провоцируйте «слабый по духу пол»!

*Из Интернет-форума, посвященного
обсуждению сексуальных домогательств*

Введение

Сексуальные домогательства на рабочем месте — одна из актуальных проблем для женщин стран Восточной и Центральной Европы в условиях политических, социальных и экономических трансформаций коммунистического блока. Как явствует из рекламных объявлений о найме на работу, призывающих «интимные услуги не предлагать», из неформальных историй о сексуальных домогательствах, иногда появляющихся в СМИ, и из немногих исследований, предоставляющих статистику сексуальных домогательств (показывающих, например, что от 25 до 30% русских женщин являются объектами сексуальных домогательств на рабочем

† Опубликовано с изменениями по изданию: Ольга Зубковская. Понятие «частного» и социальные домогательства: почему «нет» сексуальных домогательств в странах Восточной Европы? // *Женская солидарность: пособие для женщин и мужчин: Сборник статей* / Под ред. Е. Гаповой и Н. Сирош. – Минск: Пропилеи, 2002. С. 43–56. Публикуется с разрешения автора

месте)¹, эта проблема представляет собой дополнительное препятствие, которое должны преодолевать женщины в борьбе за выживание на новых рынках труда.

Однако, несмотря на важность проблемы, ее глубокое понимание и анализ причин ее возникновения почти полностью отсутствуют в общественном сознании. В тех же случаях, когда сексуальные домогательства становятся предметом обсуждения, ответственность за них (как это очевидно из эпиграфа) приписывается женщине: она сама того хотела и знала, на что шла. Одновременно следует отметить, что представители женского движения ассоциируют этот феномен с «агрессивным» западным феминизмом и не понимают его связь со структурой социального неравенства по признаку пола. Подтверждают неоднозначность отношения к проблеме и отсутствие статистических данных и исследований: статистика сексуальных домогательств имеется только по России; в других странах Восточной Европы эта проблема почти не исследована².

Кроме того, проблема сексуальных домогательств отсутствует в публичном правовом дискурсе, что проявляется на двух уровнях:

1) Правовые системы стран Восточной Европы не имеют определения сексуальных домогательств ни как формы дискриминации по признаку пола на рабочем месте, ни (в более широком смысле) как нежелательной сексуальной активности за пределами сферы занятости. В отличие от США, где нормативные акты, регламентирующие сексуальные домогательства, являются частью трудового законодательства, кодексы законов о труде в странах Восточной Европы не содержат соответствующих нормативов;

2) Несмотря на то, что законодательное преследование за сексуальные домогательства в некоторых случаях возможно (например, по статье 133 УК России: принуждение к сексуальным действиям со стороны лица, от которого

1 «Сексуальные домогательства на работе: что это такое и как себя защитить». www.owl.ru/win/books/harrasment/part1.htm (посещение 27.11.13).

2 Именно поэтому исследование «отсутствия» сексуальных домогательств в правовом дискурсе строится с опорой на российские данные.

пострадавший зависит материально или другим образом³) и что такого рода поведение нарушает некоторые положения Конституции, судебные разбирательства сексуальных домогательств очень редко происходят в российских судах. Так, в 1992 г. зафиксирован только один случай судебных разбирательств по данной статье; в 1993 и 1994 гг. не зафиксировано ни одного подобного случая⁴.

Эти факты способны вызвать удивление, если принять во внимание обстоятельства, сопутствовавшие появлению в США законодательства о сексуальных домогательствах как одном из видов дискриминации по признаку пола на рабочем месте. Хорошо известно, что появление нормативных актов, «признающих» существование этого феномена, связано с массовым появлением женщин на рынке труда, а также с активизацией женского движения второй волны. В то же время, несмотря на то что женщины в СССР составляли более половины рабочей силы и до сих пор являются значительными трудовыми ресурсами, а также, невзирая на деятельность женских активистских групп, сексуальные домогательства в странах Восточной Европы никак не проявляются на уровне правового дискурса.

Имеется несколько объяснений того, почему сексуальные домогательства «появились» как феномен в странах Восточной Европы, но не являются предметом судебных разбирательств. Так, распространение этого феномена отдельные авторы приписывают патриархатным стереотипам, являющимся наследием советской эпохи⁵. Согласно другим источникам, «появление» сексуальных домогательств объясняется подчиненным положением женщин в социальной иерархии, возросшей конкуренцией на рынке труда, ошибками в коммуникации (то, что рассматривается женщинами как отказ, воспринимается мужчинами как кокетство и поощрение к действию)⁶. С точки зрения авторов, которые занимаются не проблемой сексуальных домогательств как

3 Уголовный кодекс РФ, глава 18: «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». www.uk-rf.com/glava18.html (посещение 27.11.13).

4 Более полные данные, в частности, о количестве судебных разбирательств в последующие годы, а также о судьбе этой статьи, отсутствуют.

5 S. Bridger, R. Kay, K. Pimick. *Sexual Exploitation and the New Labor Market*. // S. Bridger, R. Kay, K. Pimick (Eds.). *No More Heroines: Russia, Women and the Market*. London, 1996.

6 «Сексуальные домогательства на работе: что это такое и как себя защитить»...

таковых, но общей проблемой нарушения прав человека, и отказа граждан бывших соцстран отстаивать свои права в суде, этот феномен объясняется правовым нигилизмом и отсутствием конституционной защиты прав человека⁷.

Хотя все названные факторы, несомненно, создают некоторое понятие о причинах данной проблемы, они, тем не менее, не объясняют в полной мере «возникновение» сексуальных домогательств в странах Восточной Европы. В данной статье я покажу, что более полное понимание этого феномена возможно получить при анализе того, какое место занимает сексуальность внутри сферы «частного»⁸, и тех трансформаций, которым подвергается понимание дихотомии *частное/публичное* в переходных обществах. В частности, с опорой на феминистскую критику разделения *частное/публичное*, я покажу, что одна из причин, по которой женщины в странах Восточной Европы отказываются от судебных разбирательств, связанных с сексуальными домогательствами, заключается в изменении положения сексуальности внутри дихотомии *частное/публичное*. Если в советский период сексуальные отношения рассматривались как «несуществующие», то в постсоветский период в связи с трансформацией «частного» сексуальные отношения начинают восприниматься как сторона межличностных отношений, не подлежащих контролю и наблюдению со стороны третьих лиц. Именно поэтому конфликты, связанные с сексуальными домогательствами, не предполагают вмешательства с любой стороны, в том числе и государства. Таким образом, возникающая сфера «частного», которая согласно либеральным определениям этого понятия призвана защищать интересы частных лиц, становится сферой угнетения женщин, воспроизводящей «публичные» властные отношения. С позиций феминистской критики дихотомии *частное/публичное* политика невмешательства в частную жизнь приводит к усилению дискриминации женщин в обществе.

7 E. Liberla Letowska. *Concepts of Human Rights in Central and Eastern Europe*. Warsaw, 1998.

8 Существует мнение, что иногда термины *частное* и *приватное* можно рассматривать как синонимы. С другой стороны, некоторые исследователи/-цы считают, что значение русскоязычного термина *частное* шире значения заимствованного термина *приватное*: в каких-то контекстах *частное* также коннотирует индивидуальные предпочтения (напр. частный выбор). Эту тему мы разовьем подробнее в следующем номере. *Прим. ред.*

В первой части статьи мы обратимся к некоторым толкованиям понятия «частное», равно как и к феминистским критикам его. Во второй части проанализируем те изменения, которым подвергается понимание положения сексуальности внутри сферы «частного», равно как и трансформацию дихотомии *частное/публичное* в переходных обществах Восточной Европы.

Понятие «частного». Феминистская критика

Понятие «частного» и права на частную жизнь является одним из сложных и противоречивых вопросов. Несмотря на то, что право на частную жизнь является одним из фундаментальных в международном законодательстве (в частности, в Европейской конвенции по правам человека), и в том или ином виде оно закреплено в законодательстве почти всех стран, не существует единого понимания его значения. Более того, отсутствие универсального понимания «частного» приводит к тому, что это понятие сильно зависит от контекста и часто определяется в его оппозиции к публичному. Как отмечает А. Этциони:

Отсутствие четких оснований для абсолютного или «естественного» права на частную жизнь наводит нас на мысль о том, что понятие «частного» изменяется в зависимости от контекста. Сравнительные социальные исследования не оставляют никакого сомнения, что круг явлений, считающихся «частными», сильно изменяется не только при сравнении различных сообществ, но с течением времени и внутри одного сообщества... (выделено автором)⁹.

В юридической литературе известно несколько интерпретаций понятия «частного». Наиболее авторитетное из них определяет частное как «право быть оставленным одному»¹⁰. Оно было сформулировано в конце XIX в. судьей Американского конституционного суда Луи Брандеисом. Более поздние неокommунитарные критики этого либерального понимания

9 А. Etzioni. *The Limits of Privacy*. New York, 1999. P. 202.

10 «Частная жизнь и права человека». Ранее доступно по адресу: www.hro.org/docs/rep/s/privacy/intor.htm

«частного» считают, что такое определение рассматривает «частное» как неограниченную и неотъемлемую собственность индивида и не принимает во внимание вопрос общественного блага. Именно поэтому необходимо ввести определение «частного», в котором соблюдался бы баланс между интересами индивида и общественной безопасностью. С точки зрения неокommунитарного подхода «частное» — это «сфера, в которой лицо (личность или группа, например, семейная пара) может легитимно действовать, не боясь разоблачения и не предоставляя другим отчета о своих действиях»¹¹.

Важным аспектом такого определения «частного» является заложенное в нем разделение «частного» и «частного выбора», а также то, что в нем подразумевается, будто сфера «частного» защищает индивида скорее от общественного наблюдения, чем от контроля. Так, хотя государство и «общество» могут быть заинтересованы в том, чтобы контролировать последствия поведения индивида, они тем не менее признают право индивида быть свободным от наблюдения за теми решениями, которые он (она) принимает в пределах того, что признается его (ее) частной жизнью. Важность этого определения для целей данной статьи заключается в том, что если некоторое поведение считается «частным» (как, например, сексуальные отношения между полами), то возможные негативные эффекты такого поведения (например, насилие или сексуальные домогательства) не могут быть прекращены и наказаны до тех пор, пока они не проявятся в сфере «публичного».

Другим важным аспектом такого понимания «частного» является выделение так называемого «обязательно частного», т.е. «действий, которые в соответствии с ожиданиями, выраженными в доминирующих социальных нормах и кодексах поведения, индивид должен выполнять таким образом, чтобы они не попали в фокус общественного внимания»¹². Так, например, акты, связанные с отпращиванием естественных потребностей, в большинстве сообществ будут не просто «частными», но «обязательно частными». Частное, понимаемое таким образом, защищает скорее общественные,

11 A. Etzioni. *Ibid.* P. 196.

12 *Ibid.* P. 197.

чем индивидуальные интересы, и является «не правом, но социальной обязанностью»¹³.

Очевидно, что перечень действий, не подверженных вниманию со стороны общественности (или не должных являться объектом общественного внимания) и считающихся «частными» (или «обязательно частными»), определяется по-своему каждым обществом и является социально сконструированным. Так, если сексуальность и сексуальные отношения являются вопросом частного выбора и согласия, негативные последствия этих действий могут преследоваться по закону только в том случае, если нежелательность и/или насильственный характер таких действий доказаны. Более того, я считаю, что по меньшей мере в некоторых случаях (как, например, в случае бывшего СССР) сексуальность является «обязательно частной», т. е. она не может быть проявлена в сфере публичного и формально не существует. Однако, прежде чем перейти к непосредственному обсуждению значения, которое приобретает сексуальность и различные виды сексуального поведения (включая сексуальные домогательства) в зависимости от положения внутри дихотомии *частное/публичное* в СССР и странах Восточной Европы, рассмотрим то, какое влияние оказывают приведенные выше интерпретации понятия «частного» и соответствующие им правовые последствия на положение женщин в социальной структуре.

Деление понятия права на *частное/публичное* и его влияние на частную жизнь в большинстве западных обществ подвергаются развернутой феминистской критике. Хотя, с одной стороны, за сферой частного признается способность защищать индивида от нежелательных вмешательств¹⁴, в целом же «частное» является сферой, в которой воспроизводится система угнетения женщин, утвердившаяся в обществе. Так, например, Патрисия Боулинг, утверждая, что скептический подход к частному, часто выражающийся в слогане «личное есть политическое», задается вопросом: есть ли какой-либо критерий для различения отношений, которые возникают в сфере публичного, и тех, которые имеют место в

---

¹³ Ibid.

¹⁴ P. Boiling. *Privacy and the Politics of Intimate life*. Ithaca & London, 1996.

сфере частного. С точки зрения этого подхода обе сферы несут на себе отпечаток власти, иерархии и подавления; частное служит главным образом для того, чтобы скрывать такие практики дискриминации и подавления, как супружеское насилие, мужское доминирование и гомофобию, которые в противном случае могли бы быть поняты как публичные и (часто) политические¹⁵.

Сексуальность, или, скорее, обязательная гетеросексуальность¹⁶, которая традиционно рассматривается как феномен, принадлежащий к сфере «частного», признается одним из основных источников подавления женщин, поскольку закрепляет доступ мужчин к женскому телу и их контроль над ним. Такая форма сексуальности является основанием социальной иерархии западного общества. Так, например, Кэрол Пэйтмен показывает, что весь западный либеральный дискурс, появившийся в результате «общественного договора» и гарантирующий свободу и равенство индивидов, на самом деле основывается на другом «невидимом» сексуальном контракте, который гарантирует мужчинам безусловный доступ к женскому телу¹⁷. По Адриен Рич, «гетеросексуальность... является социальным институтом, внутри которого мужчины используют различные формы контроля, насилия и принуждения для того, чтобы обеспечить сексуальный доступ к женщинам»¹⁸. Отнесение сексуальности к сфере «частного» способствует тому, чтобы сделать невидимыми властные неравенства между мужчиной и женщиной и, вследствие этого, укрепить социальный контроль первых над последними. Кэтрин Маккиннон утверждает, что значительная роль в этом процессе принадлежит государству или «обществу», которые таким образом институционализируют патриархатный контроль над женщинами.

---

15 Ibid. P. 4.

16 Обязательной гетеросексуальность считается потому, что для современных западных обществ другой тип сексуальных отношений (гомосексуальные) не является легитимным. Сама социализация строится таким образом, что ни у мужчин, ни у женщин нет выбора между различными типами сексуальной ориентации. Гетеросексуальность лежит в основе социальной иерархии; она закрепляет мужское доминирование и подавление женщин.

17 C. Pateman. *The Disorder of Women Democracy, Feminism, and Political Theory*. Stanford, 1989.

18 A. Rich. "Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence". Quoted in: L. Kelly. *Surviving Sexual Violence*. Minneapolis, 1988. P. 29.

Сексуальные домогательства, изнасилования, равно как и семейное насилие, рассматриваются с этой точки зрения не как случайные действия психически нездоровых индивидов, которые нарушают функционирование социальной системы, но как наиболее яркое проявление «правил игры», принятых в западных патриархатных обществах. Анализ сексуального насилия показывает, что основной принцип, определяющий отношения между полами в западных обществах, — это принцип властного неравенства, который обеспечивает «доминирующей группе [т.е. мужчинам] право инициировать интимный физический контакт и отказываться от него»¹⁹.

Таким образом, даже принятые законодательные акты, позволяющие преследовать нарушения социальных норм в случае сексуальных домогательств, сами по себе не могут гарантировать защиты нарушенного права до тех пор, пока сексуальные домогательства будут рассматриваться как феномен, принадлежащий к сфере «частного». Однако вследствие того, что женщины не имеют доступа к общественной сфере принятия решений, определение понятия «частного» и личного выбора осуществляется не ими и у них нет «достаточных оснований, чтобы полагать, будто формальные законодательные документы отражают их понимание справедливого общества»²⁰. Более того, интерпретация и применение закона не происходят в социальном вакууме, свободном от ценностей; они всегда находятся под влиянием «доминирующей культурной парадигмы — гендерно нагруженного социально сконструированного мира, где женский опыт редко признается»²¹.

Все это приводит к тому, что в случае сексуальных домогательств сфера частного, вместо того чтобы защищать индивида от вмешательства в его жизнь третьих лиц, устанавливает непроницаемые барьеры для «обнаружения» и «исправления» такого поведения. Как отмечает Кэтрин Маккиннон, в отличие от всех иных преступлений и в

19 A. Rich. "Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence". Quoted in: L. Kelly. *Surviving Sexual Violence*. Minneapolis, 1988. P. 26.

20 N. H. Kaufman, S. A. Lindquist. Critiquing Gender-Neutral Treaty Language: The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women // J. Peters, A. Wolper A. (Eds.). *Women's Rights, Human Rights: International Feminist Perspective*. New York & London, 1995. P. 114–125; 119.

21 Ibid. P. 116.

противоположность всем преступлениям против личности, в случае сексуальных домогательств необходимо эмпирическое подтверждение; судьи получают инструкции быть особенно осторожными при оценке свидетельских показаний ввиду эмоциональной вовлеченности и пристрастности жертвы по отношению к сексуальным отношениям, которые могли иметь место в сфере частного:

В сфере «частного» означает нечто большее, чем «когда они были наедине... «Частное» освящает сексуальность. Поскольку эти действия... имели место в сфере частного, отсутствуют свидетельские показания со стороны третьих лиц... Такое понимание «частного» становится особым юридическим правилом, согласно которому показания женщины, обвиняющей мужчину в сексуальных домогательствах, нельзя расценивать в соответствии с традиционными стандартами оценки свидетельских показаний. Оно превращает право мужчины «быть оставленным одному» в завесу, за которой каждая отдельная женщина может подвергаться сексуальным домогательствам²².

В следующей части работы я покажу, что именно понимание сексуальных домогательств как вопросов «личного» выбора, принадлежащих к сфере частного, обуславливает их отсутствие в правовом дискурсе и нежелание женщин отстаивать свои права в суде. Это понимание, на мой взгляд, связано с трансформациями, которым подвергается дихотомия *частное/публичное* в транзитивных обществах в связи с «появлением» сферы частного в том виде, который характерен для западных либеральных обществ.

Частное/публичное и сексуальные домогательства в СССР и странах Восточной Европы

История Советского Союза отмечена поразительным исключением сексуальности из публичного дискурса и отрицанием гендерных различий как несущественных или, по меньшей мере, не оказывающих существенного влияния на общественные отношения. Однако это вовсе не свидетельствует о том, что сексуальность и сексуальные отно-

22 C. A. MacKinnon. *Sexual Harassment of Working Women*. New Haven & London, 1979. P. 162.

шения не имели значения для советского государства, были свободны от общественного надзора и считались вопросом индивидуального выбора. Понятие «частного» и определение того, что может считаться феноменом частной жизни, приобрело в СССР любопытную форму. Как отмечают многие авторы, понятие «частного» в Советском Союзе было парадоксальным образом двойственным: «частное» одновременно существовало и не существовало²³.

В соответствии с Конституцией СССР (1936 и 1977 гг.) граждане Советского Союза обладали почти всеми личными правами (включая право на частную жизнь), которые демократическое государство может предоставить своим гражданам. Так, например, согласно статье 56 Конституции 1977 г. личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом; статьи 127–128 провозглашали право на неприкосновенность личности, жилища и тайну телефонных переговоров. Следовательно, юридически «частное» в значении права «быть оставленным одному» существовало. Более того, Конституция 1977 г. пытается сформулировать основные права граждан таким образом, чтобы сбалансировать индивидуальные и общественные интересы (ст. 39: «Граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами. Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерба интересам общества и государства, правам других граждан»)²⁴.

Однако, как отмечает Ева Летовска, конституции стран коммунистического блока (включая Конституцию СССР) имели по преимуществу декларативный характер, что подтверждалось невозможностью защищать права и свободы в случае их нарушения через судебную систему²⁵. Более того, интересы государства доминировали в тех случаях, когда устанавливались пределы допустимого вмешательства государства в жизнь частных лиц. Сфера частного, поскольку она могла способствовать развитию инакомыслия и

23 См., например: E. Letowska. *Liberal Concept of Human Rights in Central and Eastern Europe...*

24 Конституция СССР (1977). www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm (посещение 27.11.13).

25 E. Letowska. *Liberal Concept of Human Rights in Central and Eastern Europe...*

индивидуальности, угрожавших «ведущей линии партии», контролировалась и подавлялась государством. Джо Бейли отмечает, что коммунистическая революция началась как эксперимент по перестройке дихотомии *частное/публичное*, в котором «новый советский человек» попытался радикально трансформировать индивидуальность и ее место в повседневной жизни. Основанием для такой трансформации послужили работы Карла Маркса, который не придавал сфере «частного» позитивного значения и предвосхищал полное поглощение частного публичным. Большевизм (...) парадоксальным образом не признавал существования такого «частного», которое нельзя было бы наблюдать и которое могло бы ускользнуть от внимания всегда присутствующего «взгляда» общественности.²⁶

Таким образом, контроль сферы частного был одной из приоритетных задач советского государства. Именно поэтому политика относительно сексуальности и репродукции, традиционно являющихся основой семейной частной жизни, выстраивалась таким образом, чтобы «подчинить сексуальность классовым интересам пролетариата»²⁷. Подтверждением этому служит разрушение традиционных институтов семьи и брака с целью установления равенства между полами, которые позже были заменены еще более ограничивающей семейной политикой. Контроль над сексуальностью устанавливался посредством введения жесткой пронаталистской политики и ограничений аборт и посредством криминальных преследований гомосексуальности и проституции²⁸. С точки зрения Игоря Кона, сексуальная свобода была опасна для тоталитарного советского государства, поскольку она создавала возможность для проявления индивидуализма, подрывавшего основы теорий классовой борьбы и «диктатуры пролетариата»²⁹.

26 J. Bailey. "The Development of the Concept of Privacy." Conference paper presented at "Privacy Conference", New School University; Central European University. 2001. March 23–24. P. 15.

27 А. Залкинд. *Революция и молодежь*. Москва, 1924; Кон И. С. *Клубничка на березке. Сексуальная культура в России*. Москва, 1997.

28 Там же.

29 Там же.

Там, где попытки контроля проваливались (как, например, в случае проституции, которая после введения уголовного наказания стала «невидимой»), проблема замалчивалась, она «не существовала» ни в общественном дискурсе, ни в сфере «частного», поскольку последняя находилась под контролем и наблюдением государства. В результате такой политики по отношению к «частному» и к сексуальному поведению проблема смещается в область того, что в соответствии с некоммунитарными определениями является «обязательно частным»; она становится несуществующим, тем, что никогда не может быть проявлено и высказано. Эта сфера «частного» становится тем пространством, где могли осуществляться индивидуализация и сопротивление тоталитарному контролю со стороны государства. В то время как сфера «публичного» и сфера «частного», контролируемые государством, были асексуальными и гендерно нейтральными в соответствии с доминирующей идеологией, понимавшей равенство между полами как «одинаковость», «обязательно частное» воспроизводило гендерное неравенство в соответствии с традиционными патриархатными стереотипами. Такая двойственность, расхождение между уровнями государственной идеологии и повседневной жизни являлась одной из основных характеристик отношения советского государства к «частному» и сексуальности. Игорь Кон отмечает, что «лицемерие было обязательной нормой советской жизни. И не столько лицемерие, сколько способность иметь два взаимоисключающих мнения по одному поводу (...). По существу лицемерие было основным условием выживания (...). Наиболее легким способом было искренне верить в официальные нормы (на публике) и также искренне нарушать эти нормы в частной жизни»³⁰.

В такой ситуации, где даже «нормальные» сексуальные отношения между мужчиной и женщиной отсутствовали в публичном и частном дискурсе, такие «отклоняющиеся» формы сексуальности, как супружеское насилие или сексуальные домогательства, отсутствовали тем более. Советские женщины этой эпохи обнаруживали себя в парадоксальной ситуации: широко распространенные случаи сексуальных

³⁰ Кон И. С. *Клубничка на березке. Сексуальная культура в России...*

домогательств не распознавались «гендерно нейтральной» правовой системой, равно как и не могли стать предметом общественного обсуждения. Сексуальные домогательства не были ни «частным», ни публичным феноменом; они просто не «существовали» в тех сферах, где они могли бы быть обнаружены государством.

Распад Советского Союза и связанные с ним политические и социальные трансформации привели к переопределению дихотомии *частное/публичное*, а также к изменению отношения к сексуальности в общественном дискурсе. Несмотря на то, что формулировка основных прав (включая право на частную жизнь) граждан постсоветских государств почти не изменилась, социальное понимание разделения «частное – публичное» трансформировалось. Так, Конституция Российской Федерации признает право на частную жизнь, защиту личных интересов, тайну переписки. Статья 23 гласит:

1. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.
2. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения³¹.

Статьи 24 и 25 посвящены охране частной информации и неприкосновенности жилища³². Изменение социального понимания «частного» подтверждается и объясняется не столько изменением формулировки законодательных принципов, сколько уменьшением непосредственного государственного контроля и цензуры, реальной возможностью осуществлять некоторые конституционные права (такие, как право на свободу слова и общественных объединений)³³, фрагментацией прежде единого политического и общественного дискурса и формированием среднего класса, для которого право на частную жизнь становится одним из основных. В этой ситуации «частное» начинает приобретать позитивное значение и тот смысл, который характерен для западных

31 Конституция Российской Федерации. www.constitution.ru (посещение 27.11.13).

32 Там же.

33 Это не относится к ситуации в Беларуси.

либеральных демократий³⁴. Это дает основания утверждать, что «частное» перестает быть «обязательно частным», скрывается от прямого вмешательства государства и общества.

Вследствие такой трансформации понятия *частное/публичное* сексуальность перестает быть «обязательно частной» и становится предметом обсуждения в сфере «публичного», в СМИ. Ее можно рассматривать как принадлежащую к возникающей сфере «частного», поскольку она больше напрямую не контролируется государством, подтверждением чему служат более либеральное законодательство об абортх, упразднение криминальных преследований гомосексуальности. Сексуальное насилие и сексуальные домогательства, которые ранее не были предметами общественного обсуждения, постепенно появляются в фокусе внимания СМИ, неправительственных организаций. Однако поскольку эти проблемы рассматриваются как принадлежащие к сфере «частного», то предлагаемые способы их объяснения исходят из особенностей межличностных отношений. Так, тот факт, что женщины становятся объектами сексуальных домогательств, объясняется их «неправильным» поведением, но никак не особенностями социального функционирования и гендерным неравенством.

Вместе с тем признание права на частную жизнь создает непроницаемые барьеры для появления сексуальных домогательств как предмета судебных процессов. Парадокс ситуации заключается в том, что позитивные трансформации понятия *частное/публичное* оказывают негативное влияние на жизнь женщин, поскольку не позволяют выявить сексуальные домогательства посредством применения «гендерно нейтрального» законодательства. Даже тогда, когда нежелательные сексуальные знаки внимания проявляются на рабочем месте — а значит, в сфере публичного, — они воспринимаются как вопрос частного выбора. Такое положение является одним из ключевых факторов, объясняющих, почему женщины стран Восточной Европы избегают отстаивать свои права в суде.

34 Конечно, нельзя сказать, что граждане Восточной Европы в полной мере обладают основными конституционными правами. Однако ситуация изменилась по сравнению с полным бесправием граждан Советского Союза.